

18+

ДМИТРИЙ БАРСКИЙ

КОД:

0101010010101010101011010110101011010100101010100101010110101

ЧЕРТАНОВО

Дмитрий Барский

Код: Чертаново

«Издательские решения»

Барский Д.

Код: Чертаново / Д. Барский — «Издательские решения»,

«Код: Чертаново» Что, если наш мир — лагающий сервер, а человеческие чувства и спальные районы Москвы — лишь избыточный кэш, подлежащий зачистке ради экономии памяти? Когда Высшая Канцелярия решает «оптимизировать» Чертаново Южное, урезав панельки до картонных декораций, уставший сисадмин Олег объявляет эффективным менеджерам вселенной войну... Динамичный административный киберпанк на стыке IT-нуара и острой сатиры.

© Барский Д.

© Издательские решения

Содержание

ГЛАВА I: ФАНТОМНЫЙ КЭШ	6
Запах Майи	17
Вектор падения	21
Точка перекоммутации	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Код: Чертаново

Дмитрий Барский

Только Чертаново, только дождь, паранойя и чашка остывшего кофе.

© Дмитрий Барский, 2026

ISBN 978-5-0070-4650-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЛАВА I: ФАНТОМНЫЙ КЭШ

Записки из небытия. Ритм дождя

[СИСТЕМНЫЙ ЛОГ: ВРЕМЯ — 03:14. ДАТА — 31 МАЯ, 2026 ГОДА. СУБЪЕКТ — ОЛЕГ. ЛОКАЦИЯ — МОРГ-КВАРТИРА, ЧЕРТАНОВО ЮЖНОЕ]

Монитор моего старенького ThinkPad тускло подсвечивал серую стену над столом, заливая крошечную комнату мертвенным, синеватым светом. На часах в углу экрана было три часа четырнадцать минут утра. Это самое паршивое время в сутках. Время, когда любые, даже самые дикие и параноидальные мысли кажутся логически безупречными, а сон превращается в недоступную привилегию, которую у тебя отобрали за неуплату налогов.

Я не спал третью ночь подряд. Мой лечащий врач, если бы я рискнул к нему обратиться, наверняка назвал бы это терминальной стадией профессионального выгорания, помноженной на вялотекущую шизофрению. Но дебаггер внутри моей головы — тот самый сухой, рациональный голос программиста, который помогал мне выживать последние десять лет, — упрямо твердил: это не баг твоего мозга, Олег. Это критический сбой в архитектуре самой реальности.

За окном, в глухой и душной темноте Южного Чертанова, шёл монотонный, бесконечный майский дождь. Капли с тяжелым, металлическим стуком бомбардировали жестяной отлив окна. Я сидел неподвижно уже около часа, просто прислушиваясь к этому звуку. В нём был ритм. Но не хаотичный, природный шум падающей воды, а подозрительно правильный, сухой математический ритм. Капли падали группами по восемь ударов, за которыми следовала микроскопическая, едва уловимая задержка в две миллисекунды. Словно кто-то там, далеко над облаками, лениво нажимал клавишу пробела на невидимой исполинской клавиатуре, заполняя пустоту между секторами данных.

Я потянулся к кружке с давно остывшим, горьким растворимым кофе, сделал глоток и поморщился. Пальцы правой руки мелко и ритмично дрожали — точно в такт каплям за окном.

В этот момент мой шрам на шее снова напомнил о себе.

Он находился прямо над левой сонной артерией — аккуратный, идеально ровный розовый квадрат размером два на два сантиметра. Кожа там была сухой, натянутой и глянцевой, без единой поры или волоска. Края этого странного ожога тупо и глубоко ныли, как ноет старый, неправильно сросшийся перелом перед затяжным осенним штормом. Но это была не физическая боль. Это было странное, изнуряющее ощущение чужеродного присутствия. Будто под кожу мне вживили крошечный, скрытый сетевой коммутатор, который сейчас работал на холостых оборотах, посылая редкие, ледяные импульсы вверх, к самому основанию черепа.

Я легонько коснулся ожога подушечками пальцев. Кожа под ними была холодной, как гранитная плита.

В районной поликлинике, куда я сдуру притащился в прошлую пятницу, меня встретил сонный, измученный хирург. Он долго разглядывал мою шею через старую лупу в пластмассовой оправе, тер переносицу, от которой отчетливо разило дешевым перегаром и антисептиком, а потом со вздохом спросил:

— Гражданин, вы на выходных с клеймом для крупного рогатого скота не баловались? Или, может, в БДСМ-салон ходили неудачно?

— Я просто упал на серверную стойку в серверной, — соврал я, не моргая.

— Ну-ну, — буркнул он, чиркая что-то в моей бумажной медкарте. — На серверах у нас теперь квадратные углы с лазерной заточкой, надо же. Короче, юноша. Кожа чистая, воспаления нет, деструкции тканей нет. Купите мазь с пантенолом и зайдите к психотерапевту на

третьем этаже. У вас, айтишников, от ваших мониторов вечно всякая психосоматика на кожу лезет.

Я забрал карту и ушел. К психотерапевту я, разумеется, не пошел. Что бы я ему сказал? «Знаете, доктор, мне кажется, что пару недель назад меня и весь наш город лоботомировали с помощью квантовых технологий, а потом стерли из памяти женщину, которая вела меня сквозь астральный огонь?» Меня бы закрыли в психиатрическую лечебницу до конца моих дней.

Они все вокруг считали меня сумасшедшим. И у них были на это все основания. Мир вокруг выглядел абсолютно, пугающе нормально. Никакого липкого белого тумана, который душил Москву в начале месяца. Никаких зеркальных оперативников в глухих шлемах. Обычный, вычищенный до блеска, циничный мегаполис. Люди по утрам штурмовали вагоны серой ветки метро, матерились в пробках на Варшавке, пили свой безвкусный раф на альтернативном молоке и вовремя сдавали квартальные отчеты. Контур казался монолитным.

Но я знал, что это всего лишь свежий слой краски на гнилом деревянном фасаде. Система была повреждена, а кэш реальности — грубо и наспех очищен.

Вчера вечером я устроил генеральную уборку — впервые за несколько месяцев. Из недр платяного шкафа я вытащил свой старый, потрёпанный штормовой плащ, в котором ходил всю прошлую весну. Когда я поднял его за плечики, из глубокого внутреннего кармана, застегнутого на потайную липучку, выпал тяжелый предмет.

Это был большой, толстый блокнот в замшевой обложке цвета увядшей розы.

Я никогда не покупал таких вещей. Я патологический цифровой чистоплюй, у меня все записи хранятся в зашифрованных контейнерах на удаленном сервере, ключ от которого я помню наизусть. Я поднял его с пола, и мои пальцы мгновенно, на каком-то подсознательном уровне узнали его текстуру. Блокнот пахнул канифолью, гарью, озоном и едва заметно, на самой грани восприятия — какими-то дорогими, горьковатыми женскими парфюмами с нотками сухой лаванды.

Я открыл его посреди пустой комнаты. Страницы были исписаны быстрым, летящим, но удивительно четким женским почерком. Черные чернила местами расплылись от воды, словно блокнот читали под проливным дождем.

Я листал его, и мои глаза выхватывали обрывки фраз: «Вагон №4322... Векторы Бардо Тодол... Точка фиксации внимания на Четвертом уровне... Самуил увеличивает частоту... Бел готовит прорыв в промзоне...» Там были подробнейшие психологические карты, схемы осознанных сновидений и таблицы частот, на которых работали все сотрудники нашего финтех-департамента. Включая меня. Мой профиль был расписан до мельчайших деталей — от моих детских страхов темноты до структуры моего программного кода.

Но самое странное ждало меня на первой, титульной странице. Там крупными, аккуратными буквами было выведено одно-единственное слово: «МАЙЯ».

Архитектура вырезанного имени

Когда я прочитал это слово, мой шрам на шее выдал такую судорогу, что я выронил блокнот. Изнутри, где-то на уровне нижних ребер, рванула такая дикая, невыносимая фантомная тоска, что мне на секунду просто не хватило воздуха. Это было чисто физическое ощущение потери.словно тебе среди бритвенно-яркого дня ампутировали правую руку, наскоро зашили кожу, а через минуту ты пытаешься пошевелить пальцами, которых больше нет, и натыкаешься на звенящую, пустую пустоту.

Мой мозг, обученный искать логические связи во всём, выдал внутреннюю ошибку 404: Object Not Found. Я прекрасно знал, что означает это слово. Философский концепт, великая иллюзия, плотное покрывало Сансары в индийской философии. Но моё сердце, моя закипающая кровь, мой ноющий розовый шрам знали другое: это было имя. Имя живого, теплого

человека. Женщины, которая сидела со мной рядом на этой самой кухне, которая курила, стряхивая пепел в жестяную банку из-под оливок, которая... исчезла, оставив после себя лишь этот замшевый кусок чужой памяти.

Я сидел на полу, привалившись спиной к обшарпанной дверце кухонного шкафа, и тяжело дышал, уставившись на упавшую тетрадь. За окном тускло замигал уличный фонарь — три короткие вспышки, одна длинная, снова три короткие. Почти как сигнал бедствия, застрявший в неисправном реле.

Прошло минут десять, прежде чем я заставил себя подняться, подобрать блокнот и положить его на стол рядом с гудящим ThinkPad. Пальцы скользили по замше, чувствуя её шероховатость.

Я перевернул титульный лист.

Дальше шли страницы, заполненные ровными, плотными блоками текста. Никаких помарок. Никаких случайных клякс. Всё выглядело так, будто кто-то переносил базу данных на бумагу вручную, опасаясь внезапного отключения питания. Я вчитался в верхний абзац на второй странице:

> «Объект: Олег. Точка фиксации в текущей итерации: сектор Южное Чертаново. Базовая частота сознания: 4.5 Гц (устойчивое скептическое смещение). Наблюдаются сильные защитные firewall-паттерны, маскируемые под бытовой цинизм и черный юмор. При попытке прямого сканирования Самуилом через контур „Элизиума“ объект демонстрирует аномальное сопротивление — его ментальный кэш сбрасывает чужеродные маркеры каждые двадцать четыре часа. Рекомендуются использовать обходной путь через личный триггер привязанности. Внимание: в случае каскадного сбоя системы объект Олег может послужить точкой сборки для восстановления локального реестра душ...»

> Я перечитал это три раза. Каждое слово отзывалось в голове сухим, металлическим стуком. Это было описание меня. Написанное кем-то, кто знал обо мне больше, чем любой психотерапевт, медицинская карта или мои собственные смутные воспоминания о детстве.

> Величайший экзистенциальный ужас заключается не в том, что за тобой следят. К этому в 2026 году все уже привыкли — камеры с распознаванием лиц на каждом столбе, умная реклама, знающая цвет твоих трусов до того, как ты их купил. Ужас в том, когда ты понимаешь, что твоя личность, твои тщательно выпестованные привычки, твой хваленый программистский интеллект — это просто набор технических характеристик в чьем-то чужом блокноте. Спецификация оборудования.

> Я открыл браузер на ноутбуке. Пальцы на автомате вбили в строку поиска: «Майя финтех», «Майя Элизиум-Покой», «Майя HR-департамент».

Результат: Ничего не найдено.

Я залез в закрытые архивы нашей компании, к которым у меня был доступ через бэкдор, оставленный еще во время прошлогоднего аудита. Я перерыл списки уволенных сотрудников за последние пять лет. Я проверил логи корпоративного мессенджера Telegram, поднял старые ведомости на выплату премий, базы данных медицинского страхования.

Её не было. Нигде. Человек не просто уволился или уехал — его стерли с корнем, вычистив все резервные копии, удалив все логи, переписав индексы базы данных. Из реальности убрали саму сущность, оставив в моей голове лишь битый указатель, ведущий в пустоту.

Я закрыл глаза и попытался вспомнить её лицо.

И вот тут мне стало по-настоящему страшно. Моя память работала идеально, я мог по памяти воспроизвести кусок кода, написанный три года назад для одного канадского стартапа. Но когда я пытался вызвать образ Майи, перед мысленным взором возникало лишь размытое янтарное пятно, сквозь которое проступал едва уловимый силуэт. Я помнил ощущение тепла от её руки, помнил запах лаванды, помнил её тихий, чуть хриловатый голос, произносящий: «Олег, система не терпит пустоты». Но её черты лица смывались, стоило мне попытаться сфо-

кусироваться на них. Словно внутри моей черепной коробки стоял жесткий цензурный фильтр, блокирующий этот конкретный сектор памяти.

— Ладно, — тихо сказал я в пустую комнату. Мой голос показался мне чужим и слишком тонким.

— Раз вы стерли её из внешнего контура, давайте посмотрим, что вы оставили в проводах.

Я подтянул к себе ноутбук, открыл терминал и начал писать скрипт глубокой трассировки корпоративного шлюза «Элизиума». Если реальность вокруг меня — это хорошо замаскированная база данных, значит, у неё должны быть порты ввода-вывода. И сейчас эти порты явно работали сверхурочно.

Лог трассировки в никуда

[СИСТЕМНЫЙ ЛОГ: СЕГМЕНТ СЕТИ — ДАРКНЕТ. ПРОТОКОЛ — RAW SOCKET.
СУБЪЕКТ — ОЛЕГ]

Пальцы легли на клавиатуру механически, подчиняясь мышечной памяти, которая была старше, глубже и надежнее моих куцых, наспех переписанных воспоминаний. Экран ThinkPad привычно моргнул, открывая терминал Linux. Зеленый прямоугольный курсор лениво пульсировал на иссиня-черном фоне, ожидая ввода команды. В этом подмигивании не было загадки, только чистая, бездушная исполнительность кремния.

Я начал писать скрипт на Python. Стандартные сетевые утилиты вроде traceroute или Wireshark здесь были абсолютно бесполезны — если Небесная Бюрократия переписала физическую реальность за окном, она без труда подменит сетевые логи на уровне операционной системы. Мне нужно было спуститься намного глубже, на уровень сырых сокетов, чтобы перехватывать входящие и исходящие пакеты до того, как сетевая карта успеет передать их ядру ОС.

Строчка за строчкой. Импорт базовых библиотек, инициализация интерфейса, перевод карты в режим promiscuous mode, позволяющий ловить вообще весь проходящий мимо трафик многоквартирного дома. Написание кастомного парсера заголовков IP-пакетов.

Строки кода ложились на экран ровно, возвращая мне обманчивое чувство контроля над ситуацией:

```
```python
import socket
import struct

Инициализация перехвата пакетов на уровне L2s = socket.socket(socket.AF_PACKET,
socket.SOCK_RAW, socket.ntohs(3))
```
```

За окном дождь выдал очередную безупречную восьмитактную серию. Словно по команде встроенного таймера. Пауза в две миллисекунды. Два тяжелых вздоха. Снова серия.

Я нажал Shift + Enter, запуская скрипт на выполнение.

Терминал мгновенно ожил. По экрану бесконечными свитками побежал серый системный мусор. Домашний роутер лениво пинговал серверы обновлений, умный телевизор соседа снизу настойчиво просился в облако Яндекса, чей-то незапароленный смартфон сливал ночную телеметрию в китайские дата-центры. Обычный, монотонный цифровой шум типового спального района Москвы.

Я настроил фильтр на IP-диапазон подвального дата-центра башни «Элизиума» на Патриарших прудах. Наша компания арендовала там три изолированные стойки. Официально — под резервные копии финтех-платформы и архивные данные HR-отдела.

Экран на секунду замер, словно споткнувшись о невидимое препятствие. А затем побежал заново, но уже гораздо медленнее. Пакеты шли плотным, тяжелым и неестественно структурированным потоком.

Отправитель: 195.23.114.8 (Главный сетевой шлюз «Элизиума»).

Получатель:...

Вот тут мой скрипт запнулся. Вместо стандартного четырехбайтового IPv4-адреса или длинной строки IPv6 в графе «Destination IP» отображался сплошной пиксельный мусор. Текстовый лог ломался прямо на глазах. Символы перекручивались, превращаясь в бессмысленную мешанину из ломаных готических шрифтов и математических знаков, сменяющих друг друга с частотой обновления экрана.

Я придвинулся ближе, почти касаясь носом матовой матрицы монитора. Скрипт не падал с критической ошибкой. Сетевой стек операционной системы честно пытался обработать входящий пакет, но структура его заголовка была... многомерной. Как будто данные были упакованы по принципу матрешки, где каждый следующий байт определялся состоянием предыдущего в параллельном потоке вероятностей.

Я модифицировал парсер на лету, добавив вывод сырого дампа полезной нагрузки в шестнадцатеричном формате.

Шрам на шее мгновенно отозвался резким, колющим импульсом. Теплая струйка пота поползла от ожога вниз, за воротник старой футболки. Мне показалось, что кулер ноутбука завыл на ультразвуковой частоте, хотя датчики материнской платы показывали стабильные 42° С.

На экране проступили первые расшифрованные строки payload. К моему удивлению, это не был бинарный код. Это был текст. Текст, который система передавала в открытом виде, словно была абсолютно уверена, что ни один терминал в этом отсталом секторе не способен подняться выше примитивного HTTP-протокола.

> [СЕССИЯ: АКТИВНА]

> [ПЕРЕДАТЧИК: МЕНЕДЖЕР САМУИЛ (СТАТУС: ДЕГРАДАЦИЯ КВАНТОВОГО ЯДРА)]

> [ПРИЕМНИК: ВЫСШИЙ ДЕПАРТАМЕНТ СТРУКТУРНОГО БАЛАНСА]

> [ЛОГ: Контур 005 удерживается в режиме принудительной эмуляции стабильности. Процент когнитивного шума среди терминалов: 98%. Избыточная память зачищена. Объект Майя ассимилирован в контур Квантового Трона как пассивный изолятор.]

> У меня перехватило дыхание. Кружка с остатками горького кофе выскользнула из онемевших пальцев и с глухим стуком перевернулась на стопку старых квитанций за коммуналку. Черная лужа стремительно расплзалась по бумаге, но я даже не шелохнулся.

«Пассивный изолятор», — ледяной змейкой пронеслось в голове.

Они не просто стерли её из моей жизни. Они использовали её сознание как предохранитель. Как кусок тугоплавкого кремния, который Высший Департамент вставил в высоковольтную цепь мироздания, чтобы удерживать от выгорания весь наш уродливый кусок реальности. И этот сервер на Патриарших прямо сейчас, пока я сижу в своей душной коробке в Чертанове, методично отправляет вверх отчеты о том, насколько эффективно Майя сгорает на их Квантовом Троне.

Вдруг строки на экране начали стремительно менять цвет с зеленого на тревожный ярко-красный. Мой кастомный скрипт выдал каскад предупреждений, заполнивших консоль:

[ALERT: Inbound connection detected from unrouted, non-spatial address].

Кто-то на той стороне провода заметил мой несанкционированный пинг. Маршрут начал разворачиваться в обратную сторону. Пакеты данных пошли напрямиком на мой IP-адрес.

Обратный пинг

[СИСТЕМНЫЙ ЛОГ: ОБРАТНАЯ ТРАССИРОВКА. АДРЕС НАЗНАЧЕНИЯ —
ЛОКАЛЬНЫЙ ХОСТ. СТАТУС — УГРОЗА ПЕРЕХВАТА]

Зеленый курсор терминала замер, а затем превратился в сплошную, немигающую полосу багрового цвета. Символы на экране побежали снизу вверх с такой скоростью, что они слились в сплошные вертикальные линии, похожие на падающие капли за окном. Но это были не мои команды. Мой скрипт был перехвачен на корневом уровне ядра.

В левом нижнем углу консоли замелькали цифры локального IP-адреса моей чертановской квартиры. Система на той стороне провода не просто заблокировала пакеты — она разворачивала поток данных, превращая мой собственный кабель в поисковый щуп.

[TRACE: 195.23.114.8 -> МЕСТНЫЙ КОММУТАТОР ЧЕРТАНОВО -> СЕГМЕНТ
ДОМА №12 -> КВАРТИРА 416]

Кулер ThinkPad, до этого тихо шуршавший подставкой, внезапно взвыл на тонкой, сверлящей ультразвуковой частоте. Из вентиляционной решетки на левом торце ноутбука пахло сухим, горячим запахом паленого текстолита и старой, застоявшейся пыли. Корпус под моими запястьями стал стремительно нагреваться, металл жег кожу сквозь тонкий пластик.

Я судорожно занес пальцы над клавиатурой, пытаясь вбить комбинацию принудительного завершения процесса Ctrl + C.

Клавиши не реагировали. Они стали мягкими, податливыми, словно пластик под моими пальцами начал плавиться и превращаться в густую, теплую смолу. Экран ноутбука выдал резкую горизонтальную полосу белого шума, которая на мгновение осветила всю комнату бритвенно-яркой вспышкой, а затем картинка схлопнулась до размеров узкого вертикального окна командной строки.

Внутри этого окна, медленно, буква за буквой, начал печататься текст. Звук при этом стоял такой, будто кто-то с силой вколачивал металлические литеры в плотный картон старой печатной машинки:

> [ВНИМАНИЕ]: Обнаружено присутствие незарегистрированного терминала в контуре верификации Сектора 005.

> [ИДЕНТИФИКАЦИЯ]: Субъект Олег. Инвентарный индекс: Т-432-ОФ.

> [НАРУШЕНИЕ]: Удержание остаточного кэша списанного объекта «Майя», несанкционированный дебаггинг сетевого шлюза Высшего Департамента.

> Я попытался выдернуть шнур питания из розетки под столом, но стоило мне наклониться, как мой шрам на шее отозвался такой дикой, ослепляющей вспышкой боли, что я рухнул обратно на стул, едва удерживая равновесие. Квадратный ожог над сонной артерией теперь не просто ныл — он горел так, словно туда прижали раскаленное железное клеймо. Кожа натянулась до предела, и я почувствовал, как по шее медленно поползла тонкая, горячая струйка крови. Порт внутри моего тела открылся на полную мощность, работая как маяк для тех, кто шел по следу.

Вместе с болью изменился и звук за окном.

Монотонный, ритмичный стук майского дождя по жестяному отливу прекратился мгновенно, словно кто-то просто повернул тумблер на звуковой панели. Наступила пугающая, абсолютная, вакуумная тишина. Не было слышно ни шума далеких машин с Варшавского шоссе, ни гула работающего холодильника на кухне, ни даже моего собственного дыхания. Мир вокруг

сжался до размеров этой душной комнаты, освещенной багровым сиянием умирающего ноутбука.

А затем из этой тишины, прямо из коридора за входной дверью, донесся новый звук.

Это был сухой, тяжелый шелест. Так шуршат миллионы старых, высохших архивных папок, когда их одновременно перекалывают с полки на полку в закрытом подвале. Шелест приближался со стороны лестничной клетки, медленно поднимаясь этаж за этажом, сопровождаемый тяжелыми, ритмичными шагами, от которых тонкие межкомнатные стены моей панельной многоэтажки начинали мелко вибрировать.

На экране ноутбука, под первыми строками предупреждения, высочила огромная, мигающая цифра обратного отсчета:

[ДО НАЧАЛА ПРОЦЕДУРЫ ВЫЕМКИ ОСТАЛОСЬ: 300 СЕКУНД]

Пальцы на левой руке окончательно потеряли чувствительность. Я понял, что если останусь в этой квартире еще хотя бы на пару минут, то инспекторы Канцелярии просто закроют мой таск вместе со мной, превратив эту комнату в пустой, вычищенный до белого листа сектор памяти.

Я рванул вперед, сгреб со стола замшевый блокнот Майи и швырнул его в полупустой рюкзак. Ноутбук я закрывать не стал — его корпус был настолько горячим, что пластик уже пошел пузырями. Подхватив рюкзак за одну лямку, я выскочил в темный коридор прихожей, даже не оборачиваясь назад, где на экране ThinkPad стремительно уменьшались цифры моей оставшейся жизни: 299... 298... 297...

Замкнутый контур прихожей

[СИСТЕМНЫЙ ЛОГ: ОСТАТОК ВРЕМЕНИ — 280 СЕКУНД.
СУБЪЕКТ — ОЛЕГ. ЛОКАЦИЯ — ПРИХОЖАЯ]

В прихожей стояла крошечная, липкая тьма. Лампочка над вешалкой перегорела еще в прошлом месяце, и я, как обычно, откладывал её замену на «ближайшие выходные». Сейчас эта мелкая бытовая лень казалась мне дурацкой ошибкой: в темноте углы малогабаритной чертановской квартиры казались чужими, раздувшимися и опасными.

Я наступил ногой на свой старый кроссовок, смял пятку, плюнул и полез рукой в коробку для обуви, стоявшую у самой двери. Пальцы судорожно нащупали шнурки от старых, тяжелых рабочих ботинок Caterpillar. Не детектив, не спецгент — обычный испуганный сисадмин, который пытается обуться в темноте, пока его реальность разбирают на запчасти. Я буквально втиснул стопы в жесткую кожу, даже не пытаясь завязать шнурки, просто заправил их внутрь голенища.

Шрам на шее пульсировал с частотой неисправного трансформатора. Каждое сокращение артерии отзывалось в левом ухе сухим, коротким щелчком: клик... клик... клик. Система на той стороне провода не просто зафиксировала мою геолокацию, она вела обратный отсчет прямо сквозь мои нервные окончания. По воротнику футболки, ниже ожога, ползло что-то теплое и липкое. Кровь. Порт расширялся, адаптируясь под объем входящего трафика.

Я закинул рюкзак на правое, здоровое плечо. Рана, полученная в бункере, тупо заныла от резкого движения, но адреналин глушил боль, превращая её в фоновый шум.

Из-за входной двери — тяжелой, обшитой дешевым дерматином еще в девяностые годы — снова донесся этот звук.

Ших-ших-ших.

Это уже не было похоже на шелест страниц. Звук стал плотным, системным. Так шуршит бумага, которую с огромной силой проталкивают через узкие металлические валы промышленного принтера. Земляной, сухой запах архивного картона и сургуча пробивался сквозь щели

старого уплотнителя двери, напрочь вытесняя привычные запахи моей прихожей — сырость от мокрого зонта и старую обувную крем-пасту.

Я сделал два медленных шага вперед и прижался лбом к холодному металлу двери. Рука инстинктивно потянулась к круглому пластмассовому глазку.

Я заглянул в него, ожидая увидеть привычную, тускло освещенную лестничную клетку девятиэтажной панельки: облупившуюся зеленую краску на стенах, заплеванной пол у лифта и соседский сломанный велосипед, прикованный к перилам.

> Глазок выдал картинку, от которой у меня перехватило дыхание. Лестничной площадки больше не существовало. Пространство за дверью потеряло цвет и глубину, превратившись в плоский, грязно-серый двухмерный эскиз. Лампа над лифтом не горела — вместо неё из потолка исходил ровный, мертвенно-белый свет, не дающий теней. Дверь квартиры напротив выглядела как криво нарисованный на куске упаковочного картона прямоугольник, на котором серой тушью был небрежно выведен номер «415».

> И прямо по этому плоскому, монохромному коридору ко мне двигалась фигура.

Она шла медленно, но каждый её шаг сопровождался тяжелым, металлическим стуком, который отдавался вибрацией в бетонных перекрытиях моего пола. На фигуре был длинный, глухой плащ из плотной серой бумаги, а на голове — массивный зеркальный шлем, полностью закрывающий лицо. В правой руке существо держало предмет, похожий на длинную титановую линейку с бритвенно-острыми краями и выбитыми на ней инвентарными номерами.

Ищейка Службы Выемки.

Оно остановилось ровно в метре от моей двери. Я видел в зеркальном визоре его шлема свое собственное отражение сквозь линзу глазка — искаженное, круглое, с расширенными от ужаса зрачками. Существо медленно подняло свою титановую линейку и приставило её край к замочной скважине моей двери.

В этот момент замок внутри дерматиновой обшивки сухо, со щелчком провернулся сам по себе. Один раз. Второй. Третий. Канцелярия отзывала права доступа на мою собственную квартиру. Мой приватный сектор памяти переводился в статус общего пользования.

Если я останусь за этой дверью еще хоть тридцать секунд, они просто войдут и закроют контур. Бежать через окно четвертого этажа в Чертанове — чистый суицид, там внизу асфальт и железные решетки палисадника. Оставался только один выход. Тот самый, которому меня учили на первых курсах по сетевой безопасности: если твою систему взламывают и перехватывают управление, не пытайся запереться внутри — рви соединение и беги в аналоговый сегмент.

Я перехватил рюкзак поудобнее, уперся ладонью в холодную дверную ручку и, дождавшись, пока замок провернется в третий, финальный раз, резко рванул дверь на себя, выбивая её наружу, прямо в серый, картонный туман лестничной клетки.

[СИСТЕМНЫЙ ЛОГ: ОСТАТОК ВРЕМЕНИ — 255 СЕКУНД.
ДЕГРАДАЦИЯ ЛОКАЛЬНОГО КОНТУРА. СУБЪЕКТ — ОЛЕГ]

Дверь пошла тяжело, словно я прорывал слои плотного, застоявшегося полиэтилена. Физика этого места явно сопротивлялась любому резкому движению. Но инерция моего тела и хороший пинок ботинком сделали своё дело: дерматиновое полотно с глухим треском распахнулось наружу.

Удар пришелся точно по фигуре в сером. Но ожидавшегося человеческого хруста или матерного возгласа не последовало. Вместо этого раздался сухой, пористый звук — так тяжелый кузов грузовика на полной скорости въезжает в стопку пустых картонных коробок у супермаркета.

Ищейку отшатнуло назад, к плоской, схематично нарисованной стене с номером «415». Её титановая линейка с визгом проехала по металлическому косяку моей двери. Звук был

настолько пронзительным и чистым, что у меня в ушах мгновенно зазвенело, а на зубах появился отчетливый кислый привкус, как от батарейки.

Я вывалился на лестничную площадку, тяжело дыша и едва удерживая равновесие на подкосившихся ногах. Шнурок левого ботинка, так и не завязанный, волочился по полу.

— Выемка... приостановлена... из-за физического... препятствия, — проскрежетал голос из-за зеркального визора шлема.

Существо восстанавливало равновесие с пугающей, механической эффективностью. Его бумажный плащ пошел глубокими складками, и теперь, когда я стоял в упор, я разглядел, что «серый картон» его одежды состоял из миллионов слоев микроскопического текста, напечатанного убогим шрифтом без пробелов. Строчки непрерывно шевелились, переползая с плеч на рукава.

Ищейка медленно поднимала свою бритвенно-острую линейку, разворачивая её торцом к моей груди. В зеркальной поверхности её шлема я видел свой собственный шрам на шее — он светился сквозь потекшую кровь ровным, неоновым фиолетовым квадратом. Я был для него идеальной, подсвеченной мишенью в темноте.

Я не стал дожидаться, пока система обработает ошибку и завершит маневр. Перехватив лямку рюкзака поудобнее, я рванул вправо — туда, где должен был находиться спуск на третий этаж.

Лестничный марш встретил меня полной визуальной пустотой. Текстуры бетона и ступеней здесь просто не прогрузились. Перила выглядели как тонкие, абсолютно черные векторные линии в окне трехмерного редактора, подвешенные в сером ничто. Сами ступени превратились в сплошные, монохромные блоки без шероховатостей, теней и сколов.

Я прыгнул вниз, на первую ступеньку. Мои тяжелые ботинки Caterpillar должны были грохотать на весь подъезд, но подошва опустилась на плоскость в абсолютной, вакуумной тишине. Материал ступеней вел себя странно — он слегка проминался под моим весом, словно я бежал не по бетону, а по плотно уложенным стопкам упаковочной бумаги. Звук шагов поглощался контуром без остатка.

— Олег... — короткий, прерывистый сигнал пробился прямо в мое левое ухо, заставив шрам на секунду остыть. Словно сквозь помехи старого радиоприемника, прорвался голос Майи. — Не смотри вниз. На третьем... уровне... идет перестройка индексов. Спускайся по... по векторам перила.

Я заставил себя поднять голову и уставиться строго перед собой, на серую плоскость стены межэтажной площадки, где вместо привычного окна зиял ровный квадрат ровного белого сияния. Мои пальцы мертвой хваткой вцепились в черную векторную линию перил. Кожа на ладони мгновенно онемела — металл этих виртуальных перил был настолько холодным, что казался жидким азотом.

Сзади, на площадке четвертого этажа, раздался тяжелый, двоянный пневматический хлопок.

ХШ-Ш-ТОК

Титановая скоба Службы Выемки прошла в паре сантиметров от моего правого бедра и с сухим шелестом вонзилась в то место, где перила соединялись со стеной. Черная векторная линия в месте удара мгновенно лопнула, рассыпавшись на мелкие серые цифры и штрихкоды, которые лениво посыпались вниз, растворяясь в воздухе до того, как коснуться пола. Целый кусок лестничного марша позади меня начал терять геометрию, оплывая и превращаясь в бесформенное серое месиво.

Мой персональный таймер в левом глазу безжалостно обновил цифры:

[ДО ПОЛНОЙ ОЧИСТКИ КОНТУРА ОСТАЛОСЬ: 220 СЕКУНД]

Я перепрыгнул через три недорисованные ступени и выскочил на площадку третьего этажа. Здесь туман из Канцелярии был настолько плотным и сухим, что у меня перехватило горло, а в глазах зарезвились багровые пиксели. Я спиной почувствовал, что ищейка на четвертом этаже не просто идет следом — она переписывает траекторию моего спуска, убирая саму возможность вернуться назад или затормозить.

Сток нулевого рендеринга

[СИСТЕМНЫЙ ЛОГ: ОСТАТОК ВРЕМЕНИ — 205 СЕКУНД.
СУБЪЕКТ — ОЛЕГ. ЛОКАЦИЯ — МЕЖЭТАЖНЫЙ ПЕРЕХОД 3—2
УРОВНЯ]

Я скользил по плоской картонной плоскости, которая когда-то была бетонным маршем третьего этажа. Подошвы моих ботинок Caterpillar полностью потеряли сцепление с поверхностью — трение в этом секторе явно отключили ради экономии системных ресурсов. Я просто катился вниз, судорожно зажимая левой ладонью тонкую черную линию перил. От бешеной тряски и перегрузок на вираже заправленный в голенище левый шнурок выбился наружу и теперь змеился следом, превращаясь в опасную растяжку. Кожа на пальцах не просто онемела от холода, она начала прилипать к виртуальному металлу. При каждом рывке я с мясом оставлял на перилах крошечные кусочки эпителия, но боли почти не чувствовал. Шрам на шее работал как мощный локальный анестетик, забивая нервную систему тяжелым, мерным гулом.

На межэтажной площадке между третьим и вторым этажами, прямо там, где в нормальном мире торчал ржавый клапан мусоропровода, теперь зияла идеально круглая, бритвенно-ровная дыра.

Вокруг неё не было ни сварных швов, ни осколков бетона. Металлическая труба просто растворилась, превратившись в глубокий колодец, заполненный плотной, медленно вращающейся черной жидкостью. Жидкость не отражала свет тусклых ламп Канцелярии, она поглощала его. Над этим стоком лениво парила полупрозрачная системная плашка, похожая на ту, что выскакивает в операционной системе при очистке корзины:

> [OUTPUT DIRECTORY: /dev/null]

> [СТАТУС: ГОТОВ К ПРИЕМУ НЕЛИКВИДНЫХ АКТИВОВ]

> От колодца веяло такой абсолютной, запредельной пустотой, что у меня на секунду закружилась голова. Это был прямой дренаж реальности — мусоропровод для отработанных душ, бракованных сценариев и стертых из памяти воспоминаний. Если я соскользну туда, Регина даже не станет утруждать себя процедурой суда. Меня просто перепишут в нулевые биты.

Сверху, со стороны третьего этажа, раздался тяжелый, скрежещущий шаг Ищейки.

Существо двигалось медленно, но неотвратно. Оно не бежало — Бюрократии не нужно спешить, когда вся геометрия пространства играет на её стороне. Зеркальный шлем

преследователя на секунду показался в пролете, отразив багровые цифры моего угасающего таймера. Существо снова подняло свою титановую линейку.

ХШ-Ш-ТОК

Очередная скоба Службы Выемки врезалась прямо в обшивку стены над моей головой. Но в этот раз стена не просто осыпалась цифрами. Весь плоский картонный лист, заменявший межэтажную перегородку, с сухим треском лопнул пополам. Левая часть площадки вместе с векторными перилами начала медленно, словно в замедленной съемке, крениться в сторону черного колодца /dev/null.

Я почувствовал, как пол уходит из-под моих ног. Сила тяжести сработала некорректно: меня начало затягивать в сторону стока не вертикально, а по косой траектории, словно в комнате включили гигантский невидимый пылесос.

— Прыгай на контур второго! — снова прорвался сквозь помехи в ухе голос Майи. В этот раз он прозвучал тише, с отчетливым металлическим эхом, как будто она кричала из глубины пустой цистерны. — Олег, шаг в сторону... там... неразмеченная область...

Я не стал думать. Времени на логический анализ алгоритмов не оставалось. Я оттолкнулся правой ногой от уходящего в бездну картонного края и прыгнул вперед, целясь в узкую серую полосу, которая обозначала порог площадки второго этажа.

Мой прыжок был неуклюжим. Незавязанный шнурок левого ботинка перехлестнулся вокруг лодыжки, и я рухнул на живот, проехавшись лицом по шероховатому серому линолеуму второго этажа. Рюкзак сильно ударил меня по затылку, ThinkPad внутри него жалобно звякнул разбитой матрицей. Но я был на твердой поверхности. Относительно твердой.

Я перевернулся на спину, тяжело лоя ртом сухой, меловой воздух, и уставился на лестничный пролет сверху.

Площадка третьего этажа, с которой я только что соскочил, окончательно потеряла форму. Она скрутилась в тугую картонную спираль и со свистом втянулась в черную дыру мусоропровода. Сток захлопнулся с сухим, коротким щелчком, оставив после себя лишь идеально ровную серую стену без единого шва. Ишейка осталась на той стороне, отрезанная от меня схлопнувшимся контуром.

Мой персональный таймер в левом глазу обновил значение:

[ДО ПОЛНОЙ ОЧИСТКИ КОНТУРА ОСТАЛОСЬ: 180 СЕКУНД]

Три минуты. Ровно сто восемьдесят ударов моего сердца. Я поднялся на четвереньки, вытирая рукавом куртки пот и кровь с лица. На втором этаже Чертановской панельки было подозрительно тихо. Двери четырех квартир выглядели как абсолютно одинаковые, серые монолитные прямоугольники без ручек, глазков и номеров. Никаких признаков жизни. Система полностью заморозила этот уровень, подготовив его к финальной дефрагментации.

Вдруг дверь квартиры №408 — той самой, где в моем мире жила тихая одинокая старушка с тремя кошками — начала медленно, со скрипом приоткрываться внутрь. Из узкой щели на линолеум упал тонкий луч бледного, лавандового света. Этот свет пах канифолью, озоном и сухой травой.

Запах Майи

Ошибка доступа в 408-ю

[СИСТЕМНЫЙ ЛОГ: ОСТАТОК ВРЕМЕНИ — 170 СЕКУНД.
СУБЪЕКТ — ОЛЕГ. ЛОКАЦИЯ — АНОМАЛЬНАЯ ЗОНА (КВАРТИРА
№408)]

Я замер на пороге. В нормальном мире дверь 408-й квартиры вела в крошечную «однушку», где пахло старостью, кормом для кошек и дешевым освежителем воздуха «Морской бриз». То, что я увидел сейчас, было логическим нарушением всех известных мне законов архитектуры панельных домов.

За порогом не было прихожей. Я шагнул прямо в пространство, которое выглядело так, будто кто-то вырезал кусок из теплого июльского вечера 2024 года и вклеил его в серую бездну чертановской многоэтажки.

Свет здесь не имел источника. Он был мягким, рассеянным, цвета заходящего солнца, пропущенного сквозь лавандовые фильтры. Пол под ногами — не серый линолеум, а старый, потертый паркет, от которого исходил едва уловимый запах нагретого дерева. В воздухе лениво кружились пылинки, освещенные так, словно они танцевали в потоке света из окна, которого здесь не должно было быть.

Я оглянулся. Дверь за моей спиной выглядела обычной, деревянной, с потертой лакированной поверхностью. Я ухватился за ручку и с силой захлопнул её. Послышался сухой, успокаивающий звук металлического язычка замка, вошедшего в ответную планку. Это был аналоговый звук. Физический. Не скрип переворачиваемых архивных папок, не скрежет стали, а обычный, земной щелчок дверного замка.

Я прижался спиной к двери и сполз по ней вниз, чувствуя, как бешеный ритм сердца, до этого колотившийся в ушах, начинает замедляться.

Это была не квартира. Это была «песочница». Изолированный программный контейнер, который Майя — или кто-то, кто имитировал её присутствие, — создала здесь, в самом сердце Канцелярии, чтобы спрятаться от прямого сканирования.

— Майя? — тихо позвал я.

Мой голос здесь прозвучал иначе. Не глухо, как в архиве, а звонко и чисто, отражаясь от невидимых стен.

В комнате никого не было. Но в воздухе висело ощущение её присутствия, настолько плотное, что я почти видел её силуэт в кресле у окна. На низком журнальном столике стояла та самая жестяная банка из-под оливок, в которой мы с ней тушили окурки в ту ночь. Рядом лежала её старая шариковая ручка, та самая, которой она рисовала схемы архитектуры нейросетей прямо на салфетках.

Я поднялся, чувствуя, как дрожат колени. Шрам на шее наконец-то перестал гореть, перейдя в режим пассивного ожидания. Порт был закрыт, но ощущение «чужого присутствия» никуда не делось.

Я подошел к столику и осторожно коснулся ручки. Она была теплой.

На экране моего ThinkPad, который я до сих пор сжимал в руках, всплыло окно командной строки. Оно не было багровым или системно-агрессивным. Оно было чистым, с белым шрифтом на мягком фоне цвета слоновой кости. Матрица, которая пару минут назад жалобно звякнула и должна была превратиться в паутину из битых пикселей, внутри лавандового контура Майи работала вопреки всякой физике — локальный движок этой песочницы просто проигнорировал аппаратный ущерб моему железу.

> [ЛОКАЛЬНАЯ СЕССИЯ: ИНИЦИАЛИЗИРОВАНА]
> [ОЛЕГ, У НАС ОЧЕНЬ МАЛО ВРЕМЕНИ]
> [КАНЦЕЛЯРИЯ УЖЕ ПЕРЕСЧИТЫВАЕТ
ВЕКТОРЫ ПОИСКА. ТВОЙ ПОДДЕЛЬНЫЙ ОТЧЕТ — ЭТО ВРЕМЕННЫЙ ПАТЧ.
ОНИ ПРОВЕРЯТ СИГНАТУРЫ ЧЕРЕЗ 150 СЕКУНД.]
> Я набрал дрожащими пальцами:
«Где ты? Ты реальна или это просто эмуляция?»
Курсор мигнул, ответив почти мгновенно:
> [Я — ТО, ЧТО ОСТАЛОСЬ ОТ МОИХ ДАННЫХ ПОСЛЕ АССИМИЛЯЦИИ В ТРОН.
ЭТОТ КОНТУР — ЕДИНСТВЕННОЕ МЕСТО, ГДЕ МОЯ ЛИЧНОСТЬ НЕ ОБРАБОТАНА
АЛГОРИТМОМ. НО СТЕНЫ ДЕРЖАТСЯ НА ЧЕСТНОМ СЛОВЕ ТВОЕГО ПОДЛОГА.]
> Я посмотрел на часы. 150 секунд.

Мне нужно было понять главное. Если они придут сюда через две минуты, чтобы аннулировать мой «патч», что я могу сделать? У меня нет доступа к Трону. У меня нет полномочий. У меня есть только этот украденный ThinkPad и горстка данных, вырванных из зубов Архивариуса.

— Что мне делать, Майя? — я снова набрал вопрос, стараясь не смотреть на дверь, за которой теперь наверняка стоял Ишейка, сканируя замок своим зеркальным визором. — У меня есть кассета с кодом, но я не знаю, как запустить его на уровне ядра Департамента.

Ответ пришел не текстом. На экране монитора, прямо поверх окна терминала, развернулась схема. Это был чертеж архитектуры того самого «Квантового Трона», на котором она сидела. И в его основании, там, где сплетались нити Порядка и Хаоса, мигала красная точка.

> [ТОЧКА СИНХРОНИЗАЦИИ. ТЕБЕ НУЖНО ВЕРНУТЬСЯ НА ПАТРИАРШИЕ. НЕ
В КАНЦЕЛЯРИЮ. В «ЭЛИЗИУМ». ИЩИ ИСТОЧНИК ПИТАНИЯ.]

> В этот момент за дверью 408-й раздался удар. Не просто стук. Это был звук, с которым таранят ворота средневекового замка. Моя дверь, обычная дерматиновая дверь, начала деформироваться внутрь, словно с другой стороны на неё давил гидравлический пресс. Ишейка не тратила время на подбор ключей. Она просто начала «удалять» препятствие, вместе с косяком, петлями и куском стены.

Изгиб геометрии

[СИСТЕМНЫЙ ЛОГ: ОСТАТОК ВРЕМЕНИ — 145 СЕКУНД.
ИНРУЗИЯ В КОНТУР. СУБЪЕКТ — ОЛЕГ. ЛОКАЦИЯ — КВАРТИРА
№408]

Второй удар по двери отозвался не звоном металла, а протяжным, мучительным стоном, словно кто-то живьем выдирает старые гвозди из вековой сосны. Деревянное полотно 408-й квартиры выгнулось внутрь идеальной, математически выверенной дугой. Слой старого дерматина лопнул посередине с сухим, змеиным шипением. Из образовавшейся щели наружу полезла не желтая слежавшаяся вата, а густая, серая архивная труха, которая мгновенно начала осыпаться на паркет.

Вместе с этой трухой в стерильный, лавандовый воздух «песочницы» ворвался запах тлена — сырой, тяжелый дух подвальных канцелярий, где документы гниют десятилетиями.

Я замер у столика, тяжело оперевшись ладонями о полированное дерево. Пальцы левой руки все еще были в крови после контакта с векторными перилами в подъезде. Кровь капала на паркет, и — я заметил это с каким-то отстраненным, холодным любопытством — багровые капли не впитывались в дерево. Они застывали на поверхности идеальными, зеркальными

полусферами, в которых отражался мерцающий экран моего ThinkPad. Моя биологическая жидкость явно с трудом обрабатывалась физическим движком этого изолированного контейнера.

На экране ноутбука схема Квантового Трона начала мелко дрожать. Линии, обозначающие переплетение Порядка и Хаоса, поплыли в стороны, деформируясь под воздействием внешней интрузии. Красная точка в основании Трона замигала чаще, превращаясь в короткие вспышки шестнадцатеричного кода.

> [ВНИМАНИЕ: ОБНАРУЖЕНА СЕТЕВАЯ ИНЪЕКЦИЯ С ВНЕШНЕГО ПЕРИМЕТРА]

> [КОД АТАКУЮЩЕГО СУБЪЕКТА: СЛУЖБА ВЫЕМКИ. ИНСПЕКТОР ТРЕТЬЕГО КЛАССА]

> [ОЛЕГ, ЗАКРЫВАЙ СЕССИЮ. ДВЕРЬ НЕ УДЕРЖИТ СЛЕДУЮЩИЙ ПАКЕТ.]

> — Куда мне бежать? — хрипло выкрикнул я в пустую комнату, не тратя времени на ввод текста с клавиатуры. — За дверью тупик, там всё стерто до нулевого уровня!

Белый курсор на экране стер предыдущие строки и выдал одну-единственную фланговую команду:

> [ОКНО. ТАМ НЕТ ВЕРТИКАЛЬНОГО СПУСКА. МЕТРИКА ЭТОЙ КОМНАТЫ СВЯЗАНА С КОРНЕВЫМ КАТАЛОГОМ ГОРОДА ЧЕРЕЗ ФАНТОМНЫЙ АДРЕС. ПРЫГАЙ.]

> Я резко обернулся к окну. В нормальной квартире здесь должны были висеть старые тюлевые занавески, засиженные мухами, а за ними — открываться вид на серый двор-колодец, заставленный машинами. Здесь же проем был закрыт плотными, тяжелыми лавандовыми шторами, которые не шевелились, несмотря на то, что из-под двери уже отчетливо тянуло сквозняком.

Третий удар. ХШ-Ш-ТОК.

Это был звук пневматического степлера. Длинное титановое лезвие линейки Ищейки с визгом пробило деревянную обшивку двери насквозь прямо по центру. Металл прошел в каких-то тридцати сантиметрах от моего плеча. Лезвие было абсолютно чистым, без следов смазки или ржавчины, но по его матовой поверхности лениво бежали строки инвентарных номеров утилизируемых объектов. В месте прокола лавандовый свет комнаты начал стремительно блекнуть, заменяясь мертвой, серой текстурой нулевого рендеринга. Контейнер разрушался.

Я рванул к столу, сгреб ThinkPad и с силой захлопнул крышку. Ноутбук был настолько горячим, что нижняя панель уже обжигала пальцы сквозь плотную ткань рюкзака. Я затолкнул его внутрь, затянул шнурок и закинул лямки на плечи. Замшевый блокнот Майи лежал в самом низу, согревая спину сквозь куртку своим странным, фантомным теплом.

Каждый шаг давался мне с трудом — пол под ногами начал крениться в сторону пробитой двери, словно комната превращалась в воронку. Паркетные доски со скрипом расходились, обнажая под собой бескрайнюю сешающую пустоту, заполненную обрывками старых бланков.

Я подлетел к окну, ухватился за край тяжелой лавандовой шторы и с силой дернул её в сторону.

За стеклом не было Чертанова. Не было ночи, не было домов и уличных фонарей. Там, за идеально чистым тройным стеклопакетом, лениво текло колоссальное, беззвучное море янтарных и фиолетовых искр. Это выглядело как макросъемка работающего процессора, увеличенного в миллионы раз. Потoki данных двигались по невидимым магистралям, пересекались, вспыхивали и гасли, формируя очертания гигантских зданий, дорог и мостов. Сама Москва

отсюда казалась лишь тонкой, плоской микросхемой, распаянной на текстолитовой плате вечности.

Сзади раздался финальный, сокрушительный хруст. Дверь квартиры №408 окончательно рухнула внутрь комнаты, разлетевшись на тысячи сухих картонных осколков. В проеме, окруженная клубами серой архивной пыли, стояла монументальная фигура в бумажном плаще. Её зеркальный шлем медленно повернулся в мою сторону, зафиксировав мою фигуру у окна.

[ДО ПОЛНОЙ ОЧИСТКИ КОНТУРА ОСТАЛОСЬ: 120 СЕКУНД]

Я уперся ботинком в пластиковый подоконник, перехватил поудобнее рюкзак и, не давая себе времени на секундную слабость, нажал на оконную ручку. Окно распахнулось наружу, впуская в комнату ледяной, свистящий ветер, пахнувший чистым озоном и кремнием.

Вектор падения

[СИСТЕМНЫЙ ЛОГ: ОСТАТОК ВРЕМЕНИ — 115 СЕКУНД.
СУБЪЕКТ — ОЛЕГ. РЕЖИМ — СВОБОДНОЕ ПАДЕНИЕ В
ТРАНСПОРТНЫЙ КОНТУР]

Я сделал шаг вперед. Земная гравитация, послушная и привычная с детства, здесь сработала со странным, вязким опозданием. Вместо того чтобы камнем рухнуть вниз, на асфальт чертановского двора, моё тело плавно скользнуло в открытый оконный проем, словно я нырнул в бассейн, заполненный плотным, невидимым гелем.

Воздух за пределами 408-й квартиры мгновенно изменился. Он больше не был сухим и меловым — он стал вибрирующим, ледяным и густым, как жидкий аргон. Звук обрушившейся позади меня двери мгновенно смолк, сменившись колоссальным, низкочастотным гулом, от которого задрожали кости черепа. Так гудит распределительная подстанция, обеспечивающая энергией целый административный округ.

Я не падал вертикально. Моя траектория изгибалась по сложной, пологой дуге, подчиняясь невидимым силовым линиям, которые пронизывали это янтарно-фиолетовое море данных.

Москва с этого ракурса больше не имела ничего общего с городом из бетона, стекла и асфальта. Она выглядела как исполинская трехмерная материнская плата, распластанная под бесконечным черным небом. Каждое здание в Чертанове, каждая типовая панелька превратились в ровные, светящиеся массивы серых кремниевых чипов. Проезжая часть Варшавского шоссе пульсировала широкой, ослепительно-янтарной шиной данных, по которой на огромной скорости неслись миллионы крошечных световых кластеров — информационные пакеты, которые в обычном мире люди ошибочно принимали за фары автомобилей и рейсовых автобусов.

Я летел сквозь этот поток, и ветер с силой бил мне в лицо, выжимая слезы. Но эти слезы, едва сорвавшись с ресниц, мгновенно замерзали, превращаясь в крошечные фиолетовые кристаллы шестнадцатеричного кода, и с сухим звоном рассыпались в пустоте.

> Шрам на моей шее активировался с такой силой, что левую сторону тела пробила тяжелая, электрическая судорога. Квадратный ожог больше не был пассивным — он превратился в раскаленный приемник. Внутри него что-то мелко и часто защелкало, подстраиваясь под частоту пролетающих мимо магистралей данных. Мой рюкзак за спиной вибрировал, замшевая обложка блокнота Майи сквозь куртку жгла лопатки, словно кусок угля. Артефакт работал как локальный стабилизатор, не позволяя потоку Канцелярии разорвать мою физическую оболочку на отдельные биты.

> Я выставил вперед руки, пытаюсь интуитивно направить свое движение. Физика этого пространства была аналоговой, но управление здесь шло через фокус внимания. Стоило мне пристально посмотреть на далекий, мерцающий изумрудным светом узел в районе центра города, как моя траектория резко скорректировалась. Нас так учили на курсах по маршрутизации: пакет всегда идет по пути наименьшего сопротивления, если в заголовке прописан верный шлюз.

А мой шлюз сейчас был прописан на Патриарших.

Сзади, далеко вверху, там, где остался блеклый серый куб моей бывшей многоэтажки, вспыхнул резкий багровый сполох. Я обернулся на секунду, преодолевая встречный поток ветра. Из окна 408-й квартиры, выламывая пластиковую раму, наружу потянулись колоссальные, тяжелые серые ленты, похожие на щупальца гигантского бумажного спрута. Канцелярия стягивала ресурсы сектора, пытаясь перекрыть вектор моего движения. Инспекторы Службы

Выемки не собирались отпускать битый кэш так просто. Они начали перестраивать топологию сети на моем маршруте.

Прямо по курсу моего падения одна из янтарных дорожек — вспомогательный сетевой кабель, соответствующий Серпуховско-Тимирязевской линии метро, — внезапно перекрутилась и лопнула с оглушительным, сухим треском. Вместо ровной световой магистрали впереди образовался рваный, хаотичный провал, заполненный мертвой серой трухой. Логический тупик. Попытка принудительной фильтрации трафика.

[СИСТЕМНОЕ УВЕДОМЛЕНИЕ: ОБНАРУЖЕН ОБРЫВ МАГИСТРАЛИ. МАРШРУТ НЕОПРЕДЕЛЕН]

Мой персональный таймер в левом глазу безжалостно мигнул, сменив цифру:

[ДО ПОЛНОЙ ОЧИСТКИ КОНТУРА ОСТАЛОСЬ: 95 СЕКУНД]

Меньше полутора минут. Скорость моего падения нарастала, и я летел прямо в эту серую зону обрыва. Если я рухну туда, мой процесс будет аварийно завершен до того, как я успею приблизиться к серверам «Элизиума». Мне нужно было срочно перекоммутировать канал, найти промежуточную точку опоры в этом бездонном цифровом океане.

Точка перекоммутации

[СИСТЕМНЫЙ ЛОГ: ОСТАТОК ВРЕМЕНИ — 85 СЕКУНД. РЕЖИМ
— АВАРИЙНЫЙ ОБХОД. МАРШРУТ — СБОЙ]

Серая зона приближалась со скоростью падающего локомотива. Вблизи этот логический тупик выглядел еще страшнее: не просто пустота, а колоссальный, дрожащий массив статического шума, «белого экрана», какой бывает на старых телевизорах, когда пропадает сигнал. Миллиарды плоских серых пикселей сталкивались, аннигилировали и перемалывали в труху любые остатки трехмерной геометрии.

Ветер свистел в ушах, превращаясь в сплошной, пронзительный писк. Мои джинсы на голени, порванные скобой Ищейки, намокли — кровь смешивалась с ледяным конденсатом этого пространства.

— Думай, Олег, думай, — хрипел я про себя, сжавшись в комок. — Ты сисадмин или вещдок в архиве? Если магистраль заблокирована файрволом, что делает пакет? Он ищет альтернативный порт. Наземный трафик. Информационный мусор.

Я судорожно повернул голову вправо, высматривая хоть какую-то зацепку в этой сияющей кремниевой бездне.

Примерно в полукилометре от меня, параллельно разрушенной янтарной ветке метро, тянулся другой кабель. Он был тонким, блекло-зеленым и пульсировал неровными, рваными толчками. Это была коммерческая магистраль — одна из тех частных волоконно-оптических линий, которые крупные банки и финтех-корпорации протягивают через весь город под землей, чтобы иметь независимый от городских провайдеров канал связи. На ней не стояли казенные фильтры Канцелярии; для системы этот блеклый провод был слишком мелким, фоновым процессом.

Но как до него дотянуться? Физика падения не позволяла мне просто «переплыть» в воздухе — меня неумолимо несло по баллистической траектории прямо в пасть серого статического шума.

[ОСТАТОК ВРЕМЕНИ: 70 СЕКУНД]

Я судорожно запустил левую руку за спину, расстегнул на ощупь молнию рюкзака и вытащил замшевый блокнот Майи. Стоило артефакту покинуть защитную оболочку рюкзака, как его лавандовые страницы под воздействием встречного ветра бешено зашелестели.

Каждый лист блокнота, исписанный её летящим почерком, при контакте с сырым воздухом Канцелярии начинал светиться ярким, неоновым фиолетовым светом. Текст буквально отрывался от бумаги: буквы, цифры и схемы архитектуры нейросетей поднимались в воздух плотным, искрящимся шлейфом. Они формировали вокруг моей руки устойчивое, вибрирующее облако несанкционированного кода.

> Этот блокнот не принадлежал текущей итерации реальности. Он был «вырезан» из системы, а значит, обладал собственной, автономной массой и частотой. Он был моим единственным аналоговым якорем в этом цифровом аду.

> Я выпрямил руку с блокнотом, целясь им строго в сторону зеленого банковского кабеля.

— Майя, если ты меня слышишь в своем Квантовом Троне... дай мне зацепку! — заорал я во весь голос.

Облако фиолетовых букв, сорвавшихся со страниц, внезапно вытянулось в узкий, плотный жгут — длинный световой вектор, похожий на лазерный луч. Он с гулким, электрическим треском пробил пустоту, разделявшую меня с банковской магистралью, и намертво замкнулся на зеленом проводе.

Связь установилась. Мой шрам на шее мгновенно выдал такой разряд, что перед глазами на секунду всё поплыло. Меня дернуло в сторону с дикой, неестественной кинетической силой. Траектория падения сломалась под углом в девяносто градусов.

Моё тело с размаху швырнуло на зеленую световую линию. Я ухватился за этот виртуальный кабель обеими руками, прижимая блокнот к груди. В этот же миг прямо подо мной — там, куда я должен был упасть секунду назад, — с глухим, чавкающим звуком захлопнулась серая зона статического шума, перемолов в пыль кусок пустого пространства.

Я висел на тонком зеленом проводе, тяжело дыша. Мои ботинки Caterpillar болтались в пустоте, а банковский трафик — миллионы зашифрованных транзакций, межбанковских переводов и логов авторизации — с тихим, шелестящим гулом протекал прямо сквозь моё тело, обдавая кожу приятным, теплым покалыванием.

[СИСТЕМНЫЙ ЛОГ: МАРШРУТ ПЕРЕОПРЕДЕЛЕН. ВХОД В КОММЕРЧЕСКИЙ СЕГМЕНТ СЕТИ]

[ДО ПОЛНОЙ ОЧИСТКИ КОНТУРА ОСТАЛОСЬ: 50 СЕКУНД]

Пятьдесят секунд. Меньше минуты. Но теперь я двигался по выделенному каналу прямо к центру. Зеленая линия банковской шины стремительно несла меня вперед, огибая заблокированные секторы Чертанова и выходя на финишную прямую к Садовому кольцу. Впереди, в золотистом мареве центральной части Москвы-микросхемы, уже начали проступать очертания колоссального кремниевого монолита — башни «Элизиума» на Патриарших.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.